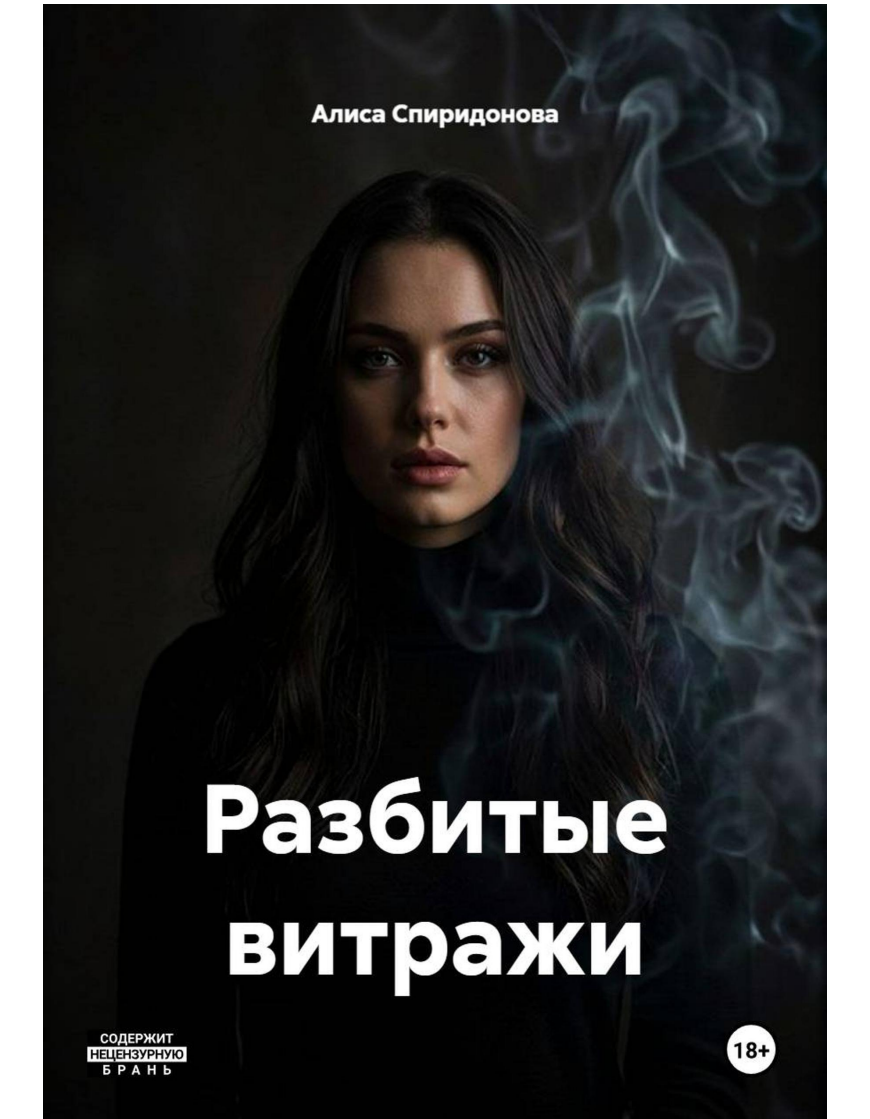

A portrait of a woman with long, dark, wavy hair, looking directly at the camera with a serious expression. She is wearing a dark, high-necked garment. The background is dark, with wisps of white smoke or steam rising from the right side, partially obscuring her face and hair.

Алиса Спиридонова

Разбитые витражи

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алиса Спиридонова

Разбитые витражи

<https://litres.ru/74515278>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для внешнего мира в ТикТоке она — успешный энерготерапевт, роковая красавица и «идеальная» мать троих дочерей. Но за глянцевым фасадом скрывается примитивная мошенница, которую еще в детстве сверстники прозвали Жулькой. Прячась от нищеты, войны и детских травм в дым сигарет и оккультные бредни, Юля искренне считает себя женой Дьявола, а детей — заложниками и живым щитом для получения пособий в Болгарии. Её муж Андрей вынужден годами пахать на стройке на износ.

В этой семье работает страшный закон: если родители ненавидят друг друга, дети превращаются в волчью стаю. Старшая дочь Яна уже погружается в агрессивный мир аниме и генетического безумия матери, изводя младших сестер. Но когда Андрей встречает Анну — дипломированного психолога, которая видит Жульку насквозь и перекрывает финансовый кран её иллюзий, Юлин вымышленный мир дает трещину. Ей исполняется сорок три года — роковой возраст, в котором её мать спилась и умерла. Где кончается обычное вранье и начинается чистая бездна?

Содержание

Глава 1. Юлька-Жулька и первый осколок

4

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Алиса Спиридонова

Разбитые витражи

Глава 1. Юлька-Жулька и первый осколок

«Обратная сторона Луны — это мир искаженных отражений, где детские страхи обретают плоть, а первая ложь становится единственным спасением от реальности».

— *Из описания XVIII Старшего Аркана Таро (Луна)*

Воспоминания о раннем детстве всегда возвращались к Юле в виде липкого, удушливого ощущения грязи, густого дыма дешевых сигарет и затяжного, непрекращающегося шума за стеной. Их двухкомнатная хрущевка на окраине промышленного городка напоминала старую, давно нечищенную сточную канаву, куда годами сливались человеческие обиды, пьяные слезы и серая дорожная пыль. Окна квартиры выходили на заброшенный пустырь и серые бетонные коробки соседних домов, отчего в комнатах даже в самые солнечные дни царил гнетущий, грязный полумрак.

Юля плохо помнила отца из того периода. В её памяти он остался лишь неясным, вечно сутулым силуэтом, который

молча курил на узком балконе, глядя в серую пустоту двора. Зато маму она помнила до мельчайших, пугающих подробностей. Мама была красивой, но эта красота казалась надломленной, увядающей, словно цветок, который забыли полить и выставили на мороз. От нее всегда пахло одинаково — резким, сладковатым шлейфом дешевого ягодного парфюма, которым она безуспешно пыталась заглушить тяжелый, удушливый запах перегара. Этот запах въелся во все предметы в квартире: в засаленные обои в коридоре, в серые шторы, в обивку старого дивана и даже в Юлины детские вещи.

Скандалы вспыхивали внезапно, словно от случайной искры. Родители кричали друг на друга долго, хрипло, срываясь на отвратительный, лающий ультразвук. Отец обвинял маму в том, что она пропивает последние деньги и «видит чертей», а мама в ответ швыряла в него тяжелые граненые стаканы, которые с глухим звоном разбивались о кафельный фартук возле газовой плиты. Маленькая Юля закрывала уши руками, зажмуривалась и ждала, когда этот кошмар закончится. В те минуты внутри пятилетней девочки впервые зародилась глубокая, черная пустота — абсолютная уверенность в том, что этот мир уродлив, небезопасен, а взрослые — это существа, которым нельзя верить ни при каких обстоятельствах.

До того как хрущевка на окраине окончательно превратилась в сточную канаву, в ней была другая жизнь, о которой Юля знала лишь по паре старых, любительских фотографий

в глянцево́м альбо́ме. На тех снимках мама ещё улыбалась открыто, без этой своей более поздней, испуганно-вызывающей гримасы, а отец держал её за талию, и пальцы его не дрожали от вечного подспудного страха.

Их брак трещал по швам медленно, с едва слышным, но необратимым скрипом. Отец работал мастером на местном заводе по производству железобетонных изделий. От него всегда пахло цементной пылью, мазутом и глухой, невысказанной усталостью человека, который застрял в колее. Он был из тех мужчин, что не умеют говорить о проблемах — они копят их внутри, как шлак в доменной печи. Возвращаясь со смены, он часами сидел на кухне, молча перебирая старые квитанции или чиня копеечный транзисторный приемник, который всё равно ловил только белый шум и хриплые помехи.

Маму эта тишина сводила с ума. Она, выросшая в просторном деревенском доме, запертая в четырех бетонных стенах с маленьким ребенком на руках, задыхалась. Ей отчаянно хотелось праздника, блеска, подтверждения того, что её молодость и красота не уходят в сухую заводскую землю вместе с этой серой пылью.

Сначала сладковатый ягодный парфюм маскировал лишь легкий запах шампанского после редких посиделок с подругами. Но постепенно «праздники» стали требоваться ей всё чаще — просто для того, чтобы заглушить монотонный гул хрущевки и вечно сутулую, молчаливую спину му-

жа. Мама начинала пить втайне, пряча чекушки за бачками с крупой или в глубине бельевого шкафа.

Отец замечал. Юля помнила, как атмосфера в доме сгустилась, становясь осязаемой и тяжелой, словно перед грозой. Первые конфликты происходили шепотом — страшным, шипящим шепотом за закрытой дверью спальни. Пятилетняя Юля сидела на ковре в зале, сжимая в руках облезлого пластмассового мишку, и слушала этот змеиный свист.

— Опять? — глухо, сдавленно спрашивал отец. — Лариса, ты на себя в зеркало смотрела? Ребенок в доме.

— А что ребенок? — огрызалась мама, и в её голосе уже тогда прорывались те самые лающие, истеричные нотки. — Ребенок сыт! А мне выть хочется в этой твоей берлоге! Ты когда мне платье новое покупал? Ты когда меня в кино водил, инженер несчастный?

Постепенно шепот перерос в крик. Отец, не находя аргументов, замыкался еще сильнее, уходя курить на балкон, а мама, разогретая алкоголем и собственным несчастьем, преследовала его и там. Она могла разбудить отца посреди ночи, включить яркий свет в комнате и начать требовать «правды» — выдуманных измен, потерянных денег, украденной молодости.

Именно тогда на их кухне стал регулярно появляться дядя Валера. Он был полной противоположностью отца — шумный, напористый, с размашистыми манерами снабженца. Валера умел доставать дефицит, громко шутил и приносил ма-

ме те самые конфеты и импортные ликеры, от которых у нее загорались глаза. Отец принимал друга молча, наливал ему, пил сам, словно искал в этой компании громоотвод. Он не видел — или слишком устал, чтобы видеть, — какими сальными взглядами Валера провожал Ларису, когда та уходила в коридор, и как сама Лариса дольше необходимого задерживала руку, забирая у гостя очередную подаренную бутылку.

Дом медленно умирал. Чистые когда-то занавески посерели от табачного дыма. На кухонном столе всё чаще оставались немытые тарелки с заветренной колбасой и пустые стаканы. Мама перестала готовить супы, перейдя на наскоро сделанные бутерброды, а отец окончательно перестал смотреть Юле в глаза. Он словно заранее прощался с этой квартирой и с этой дочерью, которая росла в атмосфере вечной войны.

В последний месяц перед уходом отца скандалы достигли своего пика. Мама уже не пряталась. Она могла заявить отцу прямо в лицо, под звон разбитого стакана: «Да ты вообще не мужик! Валерка хоть человек, у него деньги есть, он жить умеет! А ты — червь заводской!» Отец бледнел, его челюсти сжимались так, что на щеках ходили желваки, но он ни разу не поднял на нее руку. Он просто собирался изнутри, кристаллизовался в своем решении уйти. И Юля, наблюдая за этим из своего угла, впитывала каждую деталь этой драмы, понимая: слабость — это уродство, а доверие — это первый шаг к тому, чтобы тебя растоптали.

Развязка наступила в один из тех серых, липких четвергов, когда небо над городом казалось грязной простыней. Отец должен был вернуться со смены только к полуночи — на заводе монтировали новую линию, и вся бригада оставалась на сверхурочные. Маленькая Юля сидела на полу в большой комнате, бездумно катая по облезлому ковру сло-манную пластмассовую машинку.

В квартире пахло особенно душно: к привычному табачному дыму примешивался густой, сладкий шлейф мамин-ных духов и резкий запах распитого армянского коньяка. Из спальни доносился приглушенный, хриплый смех мамы и низкий, рокочущий бас дяди Валеры. Дверь туда была неплотно прикрыта, и в узкую щель пробивался теплый свет настольной лампы. Юля знала, что заходить туда нельзя — мама строго-настрого запретила ей «мешаться под ногами», пообещав выдрать уши.

Скрип входной двери раздался внезапно. Юля вздрогнула. На пороге стоял отец — на заводе произошла авария на подстанции, всех распустили раньше. Его лицо было серым от цементной пыли, куртка расстегнута, а в руках он держал завернутый в газету свежий батон — редкое проявление неуклюжей заботы.

Отец шагнул в коридор, и его взгляд сразу упал на чужие кожаные туфли у вешалки и раскиданные вещи. Из спальни в этот момент донеслись явственные, ни с чем не сопоста-вимые звуки: тяжелое, прерывистое дыхание Валеры, тихий

мамин стон и скрип старых пружин дивана.

Юля замерла, глядя на отца. Газета с батоном медленно выскользнула из его онемевших пальцев и с глухим шуршанием упала на линолеум. Лицо отца побелело, став похожим на известку, а венка на виске вздулась и бешено запульсировала. Он сделал три тяжелых, механических шага по коридору и с силой толкнул дверь спальни.

То, что произошло в следующие несколько минут, навсегда отпечаталось в памяти пятилетней Юли как грязный, хаотичный кошмар. Она видела сквозь раскрытую дверь, как дядя Валера, голый по пояс, испуганно и неуклюже скатился с кровати, путаясь в простынях и судорожно пытаясь поймать слетевшие на пол брюки. Мама, растрепанная, с размазанной помадой и безумными от алкоголя и страха глазами, закричала — тонко, по-птичьи, натягивая на обнаженную грудь одеяло.

Юля ждала взрыва. Ждала, что отец набросится на Валеру, что начнется страшная, кровавая драка. Но отец не двинулся с места. Он стоял в проеме двери, опустив руки, и смотрел на жену и лучшего друга с такой глубокой, мертвой безразличностью, от которой в комнате, казалось, упала температура. Его тишина была страшнее любого крика.

— Вон, — негромко, но отчетливо произнес отец. Голос его даже не дрожал. — Оба вон из моей жизни.

Валера, на ходу застегивая ширинку и подхватывая ботинки, боком, трусливо прижимаясь к стене, выскочил в ко-

ридор. Он даже не посмотрел на Юлю, когда выбегал за дверь, громко хлопнув замком. Мама осталась сидеть на кровати, тяжело дыша, а потом вдруг сорвалась на истерический, пьяный хохот, переходящий в рыдания.

Отец повернулся спиной к спальне, словно там больше никого не было. Он прошел в зал, достал из шкафа старый дерматиновый чемодан и начал швырять туда свои вещи: свитера, рабочую одежду, бритвенный станок. Его движения были быстрыми и точными. Мама, набросив халат, выбежала вслед за ним, упала на пол у стены и принялась выть, размазывая тушь по лицу — то ли умоляя остаться, то ли проклиная.

Юля до мельчайших подробностей запомнила тот промозглый, сырой ноябрьский день. Именно тогда отец присел перед Юлей на корточки, сжимая в руке ручку чемодана. От него пахло валидолом, цементом и крахом. Он заглянул ей в глаза, фальшиво, натянуто улыбнулся и произнес те самые слова про субботу и огромную куклу с золотыми волосами:

— Юленька, папа уезжает ненадолго. По работе надо, понимаешь? В субботу вернусь. Обязательно вернусь, слышишь? И привезу тебе самую лучшую, огромную куклу с золотыми волосами. Будешь у меня как принцесса. Обещаю.

Это была его попытка сбежать из этого ада, сохранив лицо, но Юля уже видела его сломленным. Она видела его позор, видела животный страх дяди Валеры и дешевое бесстыдство матери.

Круг замкнулся. Теперь Юля точно знала, как выглядит человеческая «любовь» и «дружба» — это была грязная, скомканная постель, трусливый побег и фальшивые обещания на прощание.

Это была первая сознательная ложь взрослого человека, которую Юля пропустила через себя, ощутив её каждой клеточкой своего тела. Она смотрела на его бегающие глаза и понимала: он не вернется. Ни в субботу, ни через неделю, ни вообще когда-либо. Ложь отца была осязаемой, как холодный осенний ветер, ворвавшийся в открытую дверь коридора. Он просто вычеркнул её из жизни, уходя к другой женщине, чтобы построить там новый, чистый мир, где для Юли не было места.

После его ухода квартира окончательно погрузилась в наркотический и алкогольный туман. Мама пила уже не таясь. Через две недели на их липкой кухне воцарился дядя Валера — лучший друг отца. Он вел себя как полноправный хозяин: громко, вульгарно хохотал, обнажая прокуренные желтые зубы, курил прямо в форточку, отчего в комнатах сизый дым стоял коромыслом, и беззастенчиво хлопал маму по бедрам под её пьяный, залиvistый смех.

Маленькую Юлю он откровенно презирал, но при маме пытался разыгрывать заботливого отчима. Он вечно звал её к себе, приторно улыбаясь:

— Ну иди сюда, дочка. Смотри, что дядя Валера тебе принес. Конфетку хочешь? Мятную, сладкую. Иди, поцелуй

папку нового.

Юля липкую конфету брала, но дядю Валеру искренне, по-взрослому ненавидела. Её детский, раненый инстинкт безошибочно шептал: этот человек — чужой, опасный и такой же лживый, как и все остальные. Мама же в его присутствии расцветала жутким, болезненным цветом. Она крутилась перед зеркалом, красила губы яркой алой помадой и полностью игнорировала существование собственной дочери.

Мама пила всё сильнее, и вместе с градусом в её разрушающийся мозг проникало то, что она в редкие минуты трезвости испуганно называла «чертовщиной». Обычный алкогольный бред в её случае принимал странные, зловещие формы. Стоило ей переступить черту, за которой реальность расплывалась, как комната для неё наполнялась чужим, безмолвным присутствием.

Пятилетняя Юля не раз наблюдала эти приступы. Мама могла посреди ночи резко сесть на кровати, уставившись застывшим, стеклянным взглядом в темный угол за платяным шкафом. Её зрачки расширялись от подлинного, животного ужаса. Она вытягивала дрожащую руку с обломанными ногтями вперед, указывая в пустоту, и хрипло, удушливо шептала:

— Опять пришли... Стоят. Смотрят на меня. Черные, безликие, как тени плотные. Дышат холодом, Юлька, они же у меня всю кровь выпьют!

Она забивалась в угол дивана, закрывая лицо руками, подвывала и раскачивалась из стороны в сторону, пока дядя Валера, громко матерясь, не хватал её за плечи и не вливал в рот очередную порцию водки, чтобы она наконец «вырубилась» и затихла. Когда отец еще жил с ними и у мамы были первые видения, то он брезгливо бросал, что Лариска просто «видит чертей» и окончательно пропила остатки разума. Но маленькая Юля, сидевшая в своем углу, не верила отцу. Она смотрела туда, куда указывал мамин панический взгляд. Юля не видела там ничего, кроме густой комнатной темноты, но её детская, обостренная интуиция улавливала странную вещь: мама не выдумывала. Она действительно что-то осязала. Мир взрослых был настолько гнилым и слабым, что сквозь пробитую алкоголем психику матери в эту квартиру просачивался мертвенный холод чужого, потустороннего пространства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.